

Упоминавшаяся выше декорация Сионской базилики, кажется, и в этом отношении выступает ближайшей аналогией данной мозаики. Иконографическому диптиху, состоящему из сцен Тайной вечери и Пятидесятницы, в южной галерее Св. Софии отвечает совмещение этих сюжетов в пределах одной композиции.

Приведенная аналогия еще раз подтверждает обоснованность предложенной выше интерпретации уникальной иконографии Пятидесятницы в мозаиках Св. Софии. Ценность этой аналогии тем более очевидна, что ранее декорация Сионской базилики предоставила нам важнейшую иконографическую параллель к другим аспектам декоративного замысла мозаик южной галереи — их мемориальному значению, связи с функцией украшения ими помещения. Мы вновь получаем свидетельство органического единства обоих основных аспектов декоративного замысла. В связи с этим уместно еще раз напомнить, что состав декоративной программы Сионского храма мог быть известен Фотию, а следовательно, и послужить исходным образцом при разработке плана декорации галерей Св. Софии.

Догматические предпосылки обеих иконографических инициатив легко прослеживаются в древнейших традициях византийской церкви — в порядке чинопоследования литургических чтений, установившегося, по всей вероятности, уже к середине V в.⁸² Указанные главы евангелия от Иоанна читались параллельно с соответствующими пассажами текста Деяний на протяжении последней декады пасхального цикла — от Вознесения до Пятидесятницы⁸³. Следовательно, обе декорации не только имели определенное догматическое содержание, но и могли служить иллюстрацией для соответствующих литургических чтений.

Что касается догматического содержания речи Христа на Тайной вечери, то оно, пожалуй, проливает наиболее яркий свет на идейный замысел декорации галерей Св. Софии. Указанные фрагменты евангельского текста представляют собой развернутое теологическое толкование тринитарно-пневматологической проблемы. Христос и св. дух трактуются здесь как равно поставленные в зависимость от бога-отца параллельные ипостаси Троицы, как два члена единой парадигмы богоявления, взаимно дополняющие друг друга. При этом совершенно однозначно определяется, что св. дух «от Отца исходит» и одновременно «свидетельствует» о сыне в качестве «другого утешителя», посланного «от Отца».

Следовательно, перед нами не только тот единственный евангельский эпизод, в котором Христос обращается к Фоме и Филиппу, — что соответствует внешним характеристикам иконографии нашей мозаики, — но и единственный фрагмент Писания, который непосредственно мог быть использован ортодоксальным богословием в борьбе против включения в Символ веры латинского догмата *filioque*. Он не только мог, но и должен был использоваться — в силу содержащихся здесь недвусмысленных указаний, вложенных евангельским текстом в уста Христа: все, сказанное учителем, было сказано именно для того, чтобы апостолы «вспомнили» эти слова, когда снизойдут на них огненные языки св. духа (14, 26; 16, 4).

О том, что предоставляемые евангельским текстом аргументы были в полной мере использованы Фотием, свидетельствует ряд его сочинений, в которых ключевую роль в доказательстве играют упомянутые евангельские пассажи (особенно 15, 26). Это — окружное послание Фотия 867 г.⁸⁴, письмо архиепископу Аквилеи (883—884)⁸⁵, «Вопросы к Амфилохию»⁸⁶

⁸² Этим временем датируется лекционарий армянской церкви в Иерусалиме (древнейший из известных восточнохристианских лекционариев), в котором евангельскими чтениями на Пятидесятницу указаны: Иоанн, 14, 15—31 и 16.5—15. См.: *Conybeare E. Rituale Armenorum*. Oxford, 1905, p. 525.

⁸³ *Ibid.* О том, что таков был порядок литургических чтений в Св. Софии в интересующей нас период, совершенно однозначно говорит текст Типиха Великой Церкви. См.: *Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока*. Киев, 1895, ч. 1, с. 146—148.

⁸⁴ *Φωτίου . . . Ἐπιστολαί*, p. 165—181, особ. § 16.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 182—202, особ. § 14—15.

⁸⁶ *Quest.*, 28, 49, 81, 88, 95, 99, 125, 159, 182, 183, 184, 188, 189, 190, 213, 235 (PG, t. 101).